

А.В. Амфитеатров

Зачарованная степь

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А63

А63 **Амфитеатров А.В.**
Зачарованная степь / А.В. Амфитеатров – М.: Книга по Требованию, 2014. –
178 с.

ISBN 978-5-517-99068-6

ISBN 978-5-517-99068-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Дѣло было въ 1917 году, лѣтомъ. Февральская революція успѣла уже отойти въ область преданій. Временное правительство доживало свой короткій чахлый вѣкъ и дышало на ладанъ. Настроеніе въ Петроградѣ было напряженное, свирѣпое. Революція раскаивалась въ своей первоначальной безкровности — и „боги жаждали“: надъ городомъ повисли тучи, чреватые краснымъ дождемъ. Множились митинги на углахъ улицъ, и ораторы ихъ походили на живыя скорострѣльные ружья, которыя, покуда что, зловѣще палятъ на воздухъ, но не сегодня, такъ завтра найдутъ себѣ другую мишень — страшную, брызжущую кровью и мозгомъ человѣческими. По ночамъ небо пятналось заревомъ пожаровъ, а въ открытыя окна долеталъ сухой трескъ далекихъ за-невскихъ залповъ, знаменуя, что одурѣлые отъ праздности и своевольства люди обрѣли гдѣ то чей то винный погребъ и ломаются въ него; а другіе люди стрѣляютъ въ нихъ изъ винтовокъ, чтобы, убивъ нѣсколькихъ, помѣшать остальнымъ перепиться до смерти или, пьяными до потери сознанія, утонуть въ выпущенномъ изъ бочекъ винѣ и пивѣ.

Въ одинъ изъ такихъ пріятныхъ лѣтнихъ вечеровъ собрались у меня, на Петроградской сторонѣ, старые товарищи, бывшіе ссыльные, недавніе поворотники изъ

сибирскихъ медвѣжьихъ угловъ. Много новыхъ мыслей, чувствъ и разсказовъ привезли они съ собою. Народъ, въ большинствѣ, очень хорошій и, что удивительно, нисколько не озлобленный. Напротивъ, въ тѣ тяжелые дни у нихъ приходилось занимать кротости и снисходительности къ тому, что происходило предъ глазами нашими.

Разговоры шли невеселые.

Кровь, измѣна, провокація, избіенія, уличныя драки, чудовищные самосуды, повсемѣстное торжество кулачно-захватнаго права жутко! Такъ поглядѣлъ, этакъ повернулъ, — нѣтъ тебѣ ни просвѣта, ни вздоха: помираетъ культура, — и все тутъ! Заѣдаетъ ее звѣроподобіе человѣческое, — и шабашъ. Такъ вотъ этими самыми словами и говорили — отпѣвали:

— Помираетъ культура!

Ну, и, слѣдовательно, — восплачемъ, братіе!

А одинъ сибирячекъ, пожилыхъ уже лѣтъ, солидный и почтенной извѣстности мужчина, съ каторжнымъ и поселеннымъ прошлымъ, вдругъ, встрялъ на перерѣзъ:

— Да стоитъ ли плакать то?

— Что—о—о?

— Можетъ быть, ей естественное и положенное время пришло помирать — культурѣ то нашей? Со-старилась она очень? а?

— Ну, батюшка, вы какую то толстовскую гиль несете. Не вы бы намъ говорили, не мы бы васъ слушали. Додумался, на Енисеѣ то сидя: культуру зачеркнулъ!

— Да, нѣтъ, товарищи и граждане, я то лично культуру не зачеркиваю и не отрицаю. А, что касается Енисея, то, наоборотъ, тамъ-то именно я и научился любить культуру и высоко цѣнить всѣ культурныя блага, потому что стосковался по нимъ неистово. Чего ужъ тамъ! Какъ сѣлъ на прямой сибирскій поѣздъ,

такъ въ вагонѣ-ресторанѣ французскую горчицу на столѣ увидаль, — обрадовался, точно родную сестру встрѣтилъ. Но не скрою отъ васъ, что даже и тамъ, гдѣ вотъ именно самое отсутствіе культуры должно было бы развивать страстную по ней, голубушкѣ, тоску и ея вожделѣніе, я зналъ людей, которые проникались къ ней — кто презрительнымъ равнодушіемъ, а кто и прямо таки злобою, ненавистью, отвращеніемъ. Именно отрекались отъ нея, какъ отъ дьявола, и зачеркивали ее всю цѣликомъ, — до такого опрощенія, которое покойному Льву Николаевичу и не грезилось.

— Это правда, — подтвердилъ другой сибирякъ, — у насъ въ колоніи этакъ двое совершенно объякутились и въ улусы жить ушли.

— Вотъ видите. Да — развѣ рѣдкость? Почитай, что каждая колонія примѣры такіе имѣла.

— Ну, что же? — возразилъ я, — не новость во всѣхъ фазисахъ культуры бывало. Байронъ въ смѣшеніи съ Руссо, — угрюмый Алеко, предпочитающій „неволюдушныхъ городовъ“ бродить съ цыганскимъ таборомъ и водить ручного медвѣдя.

— Да, вотъ, именно, что такъ.. И замѣтите: всѣ подобные бѣглецы были изъ лучшихъ нашихъ людей — самыхъ образованныхъ, дѣльныхъ, симпатичныхъ. Но, вотъ, что-то, вдругъ, точно лопнетъ у нихъ въ головѣ: все опротивѣло — товарищи, книги, идеи — ушелъ! Вотъ, считаютъ насъ, сколько вернулось, а хорошо бы посчитать и — сколько осталось, не захотѣло вернуться. И между этими незахотѣвшими — увѣряю васъ: весьма большой процентъ — именно по этой самой причинѣ. По недоброй памяти о культурѣ, по боязни вновь встрѣтиться съ ней и сдаться въ ея лапки, — перчаточки бархатныя, коготки стальные. А, что вы напомнили — Алеко, то я вамъ скажу: болѣзнь эта нынѣ бросилась не только на муж-

чинъ, но и на женскій полъ . И, на примѣръ, въ селѣ, гдѣ я отбываль поселеніе, Алекою оказалась дѣвица да еще и какая! Краса и гордость колоніи! Это довольно любопытная и незаурядная исторія. Хотите, расскажу?

— Пожалуйста.

I.

Я то засталъ Алю Павлову уже на отъѣздѣ ея изъ колоніи, такъ что не успѣлъ близко узнать ее лично. Но память о ней осталась самая лестная и завидная, — до нѣжности. И могу засвидѣтельствовать, какъ очевидецъ, была она чудо, какъ хороша собой. Этакая настоящая бѣлокурая волжская красавица, изъ купеческой семьи съ Верхняго Плеса, откуда и была она родомъ. Еще отъ гимназическихъ товарокъ прозвана была „Церерочкой“ за раннюю крупчатую пышность свою. На семнадцатомъ году кончила курсъ провинціальной гимназійи съ золотою медалью. До двадцати въ Питерѣ мѣшала во едино три бездны премудрости: высшую математику, какъ слушательница женскихъ курсовъ; эстетическое богоискательство, какъ участница тогдашняго религіознаго движенія; и полемику съ марксистами, какъ революціонерка. И на всѣхъ трехъ путяхъ была замѣчена, какъ натура недюжинная и много общающаяся. Умъ свободный и острый, любопытства дѣльные, наблюдательность мѣткая, широкая, убѣжденія глубоко продуманныя и дѣятельныя, — простое чувство, прямое слово, горячее сердце. По революціонной службѣ, Аля побывала не то, что въ смѣлыхъ, — въ отчаянныхъ передѣлкахъ, которыя инымъ, менѣе удачливымъ, ея подругамъ стоили безсрочной каторги. Да и она то сама только чудомъ вышла сравнительно суха изъ воды:

всего лишь на пять лѣтъ улетѣла въ Восточную Сибирь и даже, хотя въ отдаленную отъ городовъ, но не въ очень гиблую трущобу. Матеріально она была довольно обезпечена. Сурова, но дешева жизнь въ глухомъ поселѣ, въ шестистахъ верстахъ отъ губернскаго города и ста двадцати трехъ отъ уѣзднаго, на границѣ степи, гдѣ, вплоть до тайги южныхъ предгорій, осѣдлаго жилья уже нѣтъ. А есть только могильники миллионовъ инородцевъ, Богъ вѣсть въ кои вѣка вымершихъ, да кочевья нѣсколькихъ тысячъ инородцевъ, обреченныхъ вымирать еще въ нашъ вѣкъ. Маленькихъ денегъ, которыя Аля привезла съ собою изъ Россіи, ей вполне доставало, даже съ избыткомъ, такъ что она и товарищамъ помогала, откликаясь на каждый спросъ почти что безотказно. Ужъ если Аля говорила нуждающемуся — „нѣтъ“, то, значитъ, дѣйствительно, не было, и самой негдѣ взять. А то скорѣе себя обездолить, но товарища изъ бѣды выручить.

Чистое было существо, свѣтлое существо. Предъ спокойнымъ цѣломудріемъ этой серьезной неулыбчивой „Церерочки“ конфузливо отступали вспять, почти вспоминая совѣсть, самые безпардонные „Санины“, оргіасты Діонисовыхъ дѣйствъ и прочіе тогдашніе „революціонеры духа и освободители плоти“. Мало того: даже въ тюрьмахъ начальственные нахалы, среди которыхъ кишѣли Аврамовы и Ждановы, — помните еще имена этихъ господъ, — мучителей Маріи Спиридоновой? — невольно сдерживали похабный языкъ свой и подлая привычки предъ лицомъ этой дѣвственницы, кроткой, мудрой, прекрасной.

Влюблялись въ Алю часто, рѣчей любовныхъ слышала она много, но, какъ несокрушимая льдина мурманская, ничуть не таяла отъ обаяній, которыми чаровали ее интереснѣйшіе люди въ обѣихъ столицахъ обновлявшейся Россіи. А въ числѣ брачныхъ предложе-

ній, отвергнутыхъ Алей, одно было отъ господина литератора такой важности и славы, что иные поклонницы и поклонники не лѣнились прїѣзжать изъ-за сотенъ верстъ, чтобы лишь хоть однимъ глазкомъ взглянуть, каковъ онъ, голубчикъ, на свѣтѣ живетъ — этакій полубогъ въ блузѣ, затыкающій за поясъ сегодня Байрона, завтра Гете, послѣзавтра „Книгу Іова“ и категорически отрицающій таблицу умноженія и Пифагоровы штаны.

Хороша была Аля на волѣ — еще краше въ ссылкѣ. Въ теченіе двухъ слишкомъ лѣтъ, она ласковымъ солнцемъ свѣтила на ссыльную колонію, заброшенную въ чалдонскую глушь. И, — своею спокойною бодростью и безграничною, казалось, вѣрою въ прекрасное будущее Человѣка, котораго въ то время взяли обычаемъ писать, по Горькому, съ большой буквы, — остановила не мало рукъ, уже готовыхъ было подняться съ бритвою къ горлу, съ револьверомъ къ виску, или, того проще, съ петлею къ гвоздю въ стѣнѣ либо къ отдушнику въ печкѣ. Это не преувеличеніе и не предположеніе, а прямое утвержденіе изъ товарищескихъ устъ

— Кабы не Аля Павлова, то было бы намъ тамъ всѣмъ съ ума посойти — отъ мертвящей тоски среди инородцевъ и чалдоновъ и отъ колониальнаго „варенія въ собственномъ соку“

Однако, гиблая глушь взяла свое: къ концу второго года ссылки, на солнце колоніи стали какъ будто набѣгать тучки. И безъ того всегда задумчивая и не говорливая, Аля теперь задумалась какъ то особенно — глубже и постояннѣе прежняго и почти совсѣмъ при-
молкла.

II.

Началась эта перемѣна въ Алѣ, по замѣчанію колоніи, съ того времени, какъ застрѣлился Александръ

Ивановичъ Прямоглазовъ. Не предположите, что былъ между ними романъ. Напротивъ, изъ политическихъ ссыльныхъ Александръ Прямоглазовъ былъ единственнымъ, который, что называется, щетинился противъ Али и держался отъ нея далеко, какъ, впрочемъ, и отъ всего ссыльнаго кружка. А и кружокъ то былъ такой крохотный, что въ немъ не успѣвали развиваться даже обычныя партійныя дѣленія и ссоры. Наоборотъ, люди жались другъ къ другу, словно экипажъ съ разбитаго корабля на утломъ плоту среди необъятнаго моря, враждебнаго и бездоннаго. Но Александръ Прямоглазовъ принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, о которыхъ, когда хочешь сказать о нихъ хвалебное, — первымъ и, по правдѣ сказать, единственнымъ, приходитъ въ голову: вотъ челоуѣкъ-сокровище для одиночной тюрьмы. Онъ ей и отдалъ долгу дань. Но тюрьма не только не отучила его отъ любви къ уединенію, а, напротивъ, укрѣпила и развила ее въ настойчивую потребность, которая, и въ ссылкѣ, сдѣлала Прямоглазова добровольнымъ отшельникомъ, молчальникомъ и почти затворникомъ. Въ рѣдкихъ выступленіяхъ своихъ предъ товарищами онъ выказывалъ себя опять таки настолько обособленнымъ, даже не симпатичнымъ, что, не будь за нимъ ужъ очень большихъ революціонныхъ заслугъ, его давно ославили бы провокаторомъ. Онъ самъ понималъ, что непріятенъ, и не годится для общества. А потому очертилъ себя парень заколдованнымъ кругомъ и засѣлъ въ немъ одинъ-одинешенекъ. А, сквозь одиночество, непрестанно смотрѣлъ въ душу свою — зорко, взыскательно и неумолимо.

Самоубійство Прямоглазова никого въ колоніи не удивило: давно ждали, что не миновать ему лихого конца. Но вечеромъ передъ ночью, когда ему застрѣлится, Прямоглазовъ зашелъ къ Алѣ Павловой и передалъ ей небольшую тетрадь, которую просилъ спря-

тать, говоря, что имѣтъ основанія опасаться обыска. По смерти Прямоглазова Аля, конечно, прочитала тетрадь и нашла въ ней нѣчто вродѣ завѣщанія. Самоубійца поручаль ей свои записки. — „По правилу“, писалъ онъ, „контрастовъ: вы, Аля, Человѣка любите и по головкѣ гладите, а я чувствую къ нему отвращеніе и боюсь его — и въ другихъ, и въ самомъ себѣ. Ну, такъ вотъ — почитайте мое рукописаньице, — каковъ онъ есть душка, этотъ самый Человѣкъ, во всей своей натуральной правдѣ. Сами насладитесь и другихъ порадуите. За слогъ и содержаніе извините, но, за то, ужъ не найдете словечка солганнаго: все — до дна — на чистоту!“

Интимную часть Прямоглазовскихъ признаній Аля уничтожила, согласно его волѣ въ той же завѣщательной запискѣ, а общую дала читать въ колоніи. Ее переписывали, разсылали въ другія колоніи. Я имѣлъ такой списокъ. Проповѣдь глубочайшаго пессимизма, пожалуй, въ тонѣ любимыхъ Андреевскихъ героевъ, но еще того вѣрнѣе будетъ сказать — въ духѣ именно Алеко и прочихъ байроническихъ бродягъ, отвергавшихся „неволи душныхъ городовъ“. Потому что, по разуму и культурѣ, старался Прямоглазовъ ближняго любить и думать о немъ хорошо и — что дальше — все къ лучшему и лучшему. А, по чувству и лукавому шепоту совѣсти, часто сдавалось ему, что все это неправда, и ближняго онъ совсѣмъ не любить и не уважаетъ, а, напротивъ, истинная основа его натуры — глубокое презрѣніе. Презрѣніе къ людямъ вообще, которое переходило, какъ тайное предубѣжденіе, и на каждое отдѣльное знакомство.

Когда человѣкъ презираетъ свысока — гордо и самодовольно, это не опасно для него — можетъ быть даже источникомъ житейскаго благоденствія и душевнаго равновѣсія. Плюю, молъ, на все и берегу свое здоровье.

Но для того надо быть очень отраднaго о себѣ мнѣнія. А Прямоглазовъ Александръ былъ о себѣ мнѣнія безотраднaго. Среди его товарищей было не мало такихъ, которые ставили себя въ кругъ жизни своей нѣкимъ самодовлѣющимъ божествомъ, а прочее челоѣчество понимали за козявокъ. Но Александръ Прямоглазовъ успѣлъ усвоить эту формулу только на половину — и притомъ невыгодную. То есть, что челоѣчество — козявки, это убѣжденіе онъ тайно питалъ чуть не отъ дѣтскихъ лѣтъ своихъ, хотя и тщательно скрывалъ. Но себя вообразить богомъ никакъ не могъ и нисколько не исключалъ себя изъ козявнаго челоѣчества. Напротивъ, почиталъ себя въ немъ не только не крупнѣе, а, можетъ быть, даже и мельче многихъ другихъ козявокъ. И, кажется, имѣлъ къ тому нѣкоторую причину — быть можетъ, менѣе основательную, чѣмъ она ему представлялась, но многихъ и многихъ юношей погубившую тоскою самогрызенія. Опять спѣшу оговориться, что рѣчь идетъ не о какомъ либо позорящемъ политическомъ дѣяніи или хотя бы промахѣ. Нѣтъ, просто, одинокое существованіе скверно отозвалось на его половой жизни. Это отравляло его дни постояннымъ стыдомъ и страхомъ, въ мнительности, будто порокъ его всѣ за нимъ примѣчаютъ, и вотъ-вотъ кто нибудь снагличаетъ и его громко обличить. И этого своего будущаго обличителя онъ подозрѣвалъ во всѣхъ и, заранѣе его презирая и ненавидя, частицу той же предубѣжденности переносилъ на каждого изъ „всѣхъ“. Поэтому его презрѣніе было унылое, полное тоски и отчаянія, все густѣвшихъ, какъ злыя сумерки, и, наконецъ, въ послѣднее время, почти безпросвѣтныхъ. Челоѣкъ пришелъ въ уголъ и, какъ клинъ въ себя забилъ, жилъ однимъ разсужденіемъ:

— Челоѣкъ — безсиліе, ничтожество, слякоть, смрадъ, заразный микробъ. Слѣдовательно, и я безсиліе, ничтожество, смрадъ и слякоть заразы. А, слѣдо-

вательно, зачѣмъ же мнѣ и существовать? Пусть другіе, если имъ любя жизнь, несутъ трусливый и глупый позоръ ея, — я гордъ, я сознательнъ, не хочу, — предпочитаю умереть. Смерть — великая дезинфекція вселенной. Поклонимся же ей и поступимъ честно: очистимъ землю отъ своего заразнаго присутствія. Уволимъ жизнь отъ себя, а себя отъ жизни.

И такъ-вотъ Александръ Прямоглазовъ влюбился въ смерть и возлелѣялъ мечту самоубійства. И, такъ какъ былъ онъ человѣкъ серьезный, характера твердаго и — что надумалъ, то сдѣлалъ, то эту грозную мечту свою онъ давно уже осуществилъ бы, еслибы не полагалъ неконченными кое-какіе свои земные счета. Не раздѣлавшись же съ ними, почиталъ уходить въ небытіе — не то, чтобы непозволительнымъ, а... ну, неловкимъ, что ли. Какія то полученныя письма изъ Россіи, которыя онъ передъ смертью сжегъ, развязали его съ этими счетами. И, уже въ слѣдующую ночь, Александръ Прямоглазовъ „уволилъ жизнь отъ себя, а себя отъ жизни“.

Похоронили Александра Прямоглазова. Потолковали о немъ, поволновались, послали некрологи въ легальную и нелегальную печать. Забыли. Но — записки ли покойнаго, вся ли совокупность пережитого событія — сильно потрясли Алю Павлову и оставили въ душѣ ея глубокой и опасный слѣдъ. Опять таки прошу не мечтать о посмертной влюбленности, которая постигаетъ порою романтически настроенныя дѣвичьи души. Во первыхъ, я забылъ вамъ сказать, что Александръ Прямоглазовъ былъ очень некрасивъ собою и совершенно не годился въ герои чьихъ либо любовныхъ мечтаній даже и живой, а не то, что изъ-за гроба. Во вторыхъ, содержанія интимной части его манускрипта, уничтоженной, Аля никому не сообщила, но выражалась о ней — въ общихъ чертахъ — болѣе чѣмъ неодобрительно. Говорила, что никогда не позволила бы себѣ предположить